

ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ
Тексты и исследования

1

Библиотека журнала "СИМВОЛ"

Гвиго II
Картузианец

Сочинения

Научный совет издания:

Николай Мухелишвили — председатель
Анатолий Ахутин
Галина Вдовина
Андрей Коваль
Рене Маришаль, SJ
Николай Селезнев
Дмитрий Спивак
Сергей Хоружий
Николай Шабуров

Гвиго II Картузианец

Сочинения. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. — 168 с.

Guigues II le Chartreux

Lettre sur la vie contemplative (L'Échelle des moines). Douze méditations (XII Meditations). (Sources Chrétiennes, № 163). Paris, Les Éditions du Cerf, 1970.

В настоящем издании публикуются два трактата Гвиго Второго Картузианца (Guigo II Cartusiensis, ум. ок. 1188 г.), посвящённые духовной практике, известной в традиции Западной Церкви как «божественное чтение» (lectio divina). Эти сочинения озаглавлены так: «Лестница затворников, или Письмо о жизни созерцательной» (*Scala claustralium, seu Epistola de vita contemplativa*) и «Двенадцать размышлений» (*XII Meditationes*). Впервые издаются русские переводы трактатов Гвиго II с параллельным латинским оригиналом, примечаниями и статьёй переводчика. Издание предназначено для всех, кто интересуется духовной практикой в целом и, в частности, традицией духовных упражнений Западной Церкви.

Перевод с лат. и статья Андрея Ковале

© Les Éditions du Cerf, 1970 — латинский текст

© Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011

ISBN 978-5-94242-061-1

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети Интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лествица затворников Scala Claustralium.....	5
Двенадцать размышлений XII Meditationes	49
<i>Андрей Коваль</i> . Вольница аллегоризма и логическая воля: два полюса мышления Гвиго Второго Картузианца?	113
Библиография	160
Summary.....	164

ЛЕСТВИЦА ЗАТВОРНИКОВ
SCALA CLAUSTRALIUM

Настоящий перевод выполнен с латинского оригинала по критическому изданию Эдмунда Колледжа (OSA) и Джеймса Уолша (SJ)¹. Принимался во внимание также английский перевод Эдмунда Колледжа (OSA) и Джеймса Уолша (SJ)².

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Вульг: перевод по Вульгате

л. (рус. пер.) и f (лат. текст): лист

«Син»: точная цитата по «Синодальному» переводу Библии

СПИСОК УЧТЁННЫХ РУКОПИСЕЙ

АН: Анже, Муниципальная библиотека 401 (388), XIV в.

ДА: Дармштадт 792

ДУ: Дублин, Тринити-колледж 216 (В. 5. 5), конец XV в.

МЕ: Мелькское аббатство 121 (В. 41), XV в.

Р¹: Париж, Национальная библиотека, Latin 15952, XIII в.

Р^А2: Париж, Национальная библиотека, 15988, XIII в.

РР: Прага, Университетская библиотека, VI. А. 19 (1031), XIV или XV в.

УТ: Утрехт, Университетская библиотека 240, конец XV в.

ВА: Ватиканская библиотека, Барберини Latin 519

¹ *Guigues II le Chartreux. Lettre sur la Vie Contemplative (L'échelle des moines). Introduction et texte critique par Edmund Colledge (OSA), et James Walsh (SJ). Traduction française par «Un Chartreux». // Sources Chrétiennes, № 163 (Série de textes Monastiques d'Occident, n° 19). Paris, Les Éditions du Cerf, 1970, pp. 80–123.*

² *Letter on Interior Life, or Scala Paradisi. // The Way, № 5 (October 1965), pp. 333–342.*

I. Epistola domini Guigonis Carthusiensis ad fratrem
Gervasium de vita contemplativa

/f. 1r/ Dilecto suo fratri Gervasio frater Guigo: delectari in Domino. Amare te frater ex debito teneor, quia prior amare me incepisti; et rescribere tibi compellor, quia litteris tuis ad scribendum me prius invitasti. Quaedam ergo quae de spiritali exercitio claustralium excogitaveram tibi transmittere proposui, ut tu qui talia experiendo melius quam ego tractando didicisti mearum iudex sis cogitationum et corrector. Et merito haec nostri laboris initia tibi primitus offero ut novellae plantationis primitivos fructus colligas, quam de servitute Pharaonis et delicata solitudine laudabili furto surripiens in ordinata castrorum acie collocasti, ramum de oleastro artificiose incisum prudenter inserens in oliva.

I. Послание господина Гвиго Картузианца брату
Гервазию, о жизни созерцательной

/л. 1г/ Возлюбленному брату своему Гервазию – брат Гвиго:
<желаю> радоваться во Господе.

Любить тебя, брат, я обязан по долгу, ибо ты первым начал любить меня; и не написать тебе в ответ я не могу, ибо ты первым пригласил меня к этому своим письмом. Посему задумал я передать тебе некоторые пришедшие мне мысли о духовном упражнении затворников, дабы ты, изучивший сие на опыте лучше, нежели я – в рассуждениях, был судьёю и исправителем моих раздумий. Тебе первому по праву преподношу я эти начала нашего труда, дабы ты собрал первые плоды молодой посадки [ср. Пс 143, 12], которую, достохвально похитив из рабства у Фараона [ср. Исх 13, 14] и из любезного уединения, поместил ты в стройный боевой порядок [ср. Песн 6, 10], искусно привив к оливе ветвь, умело отсечённую от дикой маслины [ср. Рим 11, 17. 24].

II. De quatuor gradibus

Cum die quadam corporali manuum labore occupatus de spiritali hominis exercitio cogitare coepissem, quatuor spirituales gradus animo cogitanti se subito obtulerunt, lectio scilicet, meditatio, oratio, contemplatio.

Haec est scala claustralium qua de terra in coelum sublevantur, gradibus quidem distincta paucis, immensae tamen et incredibilis magnitudinis, cujus extrema pars terrae innixa est, superior vero nubes penetrat et coelorum secreta rimatur. Hi gradus sicut nominibus et numero sunt diversi, ita ordine et merito sunt distincti; quorum proprietates et officia, quid singuli circa nos efficiant, quomodo inter se differant et praeemineant, si quis diligenter inspiciat, quidquid laboris et studii impenderit in eis breve reputabit et facile prae utilitatis et dulcedinis magnitudine.

Est autem lectio sedula scripturarum cum animi intentione inspectio. Meditatio est studiosa mentis actio, occultae veritatis notitiam ductu propriae rationis investigans. Oratio est devota cordis in Deum intentio pro malis removendis /f. 1v/ vel bonis adipiscendis. Contemplatio est mentis in Deum suspensae quaedam supra se elevatio, aeternae dulcedinis gaudia degustans.

Assignatis ergo quatuor graduum descriptionibus, restat ut eorum circa nos officia videamus.

II. О четырёх ступенях

Когда однажды, занятый телесным ручным трудом, начал я раздумывать о духовном упражнении человека, тут же предстали размышляющему духу <моему> четыре духовные ступени, то есть: чтение (lectio), размышление (meditatio), молитва (oratio) и созерцание (contemplatio).

Такова лестница затворников, по коей поднимаются с земли на небо. Ступеней на ней немного, но высота её громадна и невероятна: нижняя часть её упирается в землю, а верхняя пронизывает облака и разведывает сокровенные области неба [ср. Быт 28, 12]. Эти ступени столь же несхожи между собою названиями и числом, сколь отличны они друг от друга своим порядком и значительностью. Если кто-либо старательно рассмотрит их свойства и то, какое воздействие оказывает на нас каждая из них, чем отличаются они друг от друга и как возвышаются одна над другой — сколько бы труда при этом ни было затрачено, дело сие сочтено будет кратким и лёгким [ср. Быт 29, 20] из-за великой <от того> пользы и сладости.

Чтение — это прилежное изучение Писаний с устремлением духа. Размышление — усердное действие ума, исследующее понятие скрытой истины под водительством собственного рассудка. Молитва — благочестивое устремление сердца к Богу ради устранения дурного /л. 1v/ или обретения блага. Созерцание — некое возвышение ума, воспарившего к Богу, над самим собою, вкушающее радости вечной сладости.

По завершении описания этих четырёх ступеней остаётся нам рассмотреть их воздействие на нас.

III. Quae sunt officia praedictorum graduum

Beatae vitae dulcedinem lectio inquirat, meditatio invenit, oratio postulat, contemplatio degustat. Lectio quasi solidum cibum ori apponit, meditatio masticat et frangit, oratio saporem acquirit, contemplatio est ipsa dulcedo quae jocundat et reficit. Lectio in cortice, meditatio in adipe, oratio in desiderii postulatione, contemplatio in adeptae dulcedinis delectatione. Quod ut expressius videri possit, unum de multis supponamus exemplum.

III. Каково воздействие, оказываемое вышеуказанными четырьмя ступенями

Чтение взыскует сладость блаженной жизни, размышление её находит, молитва её испрашивает, а созерцание — вкушает¹. Чтение как бы целиком вкладывает в уста пищу, размышление разжёвывает её и размальвает, молитва — обретает вкус, а созерцание — это сама сладость, веселящая и подкрепляющая. Чтение — в кожице, размышление — в мякоти, молитва — в испрашивании желанного, созерцание — в услаждении обретенной сладостью. Чтобы это стало видно яснее, приведём один из многих примеров.

IV. Officium lectionis

In lectione audio: *Beati mundo corde, quoniam ipsi Deum videbunt.* Ecce breve verbum sed suavi et multiplici sensu refertum ad pastum animae, quasi uvam ministravit, quod postquam anima diligenter inspexit, dicit intra se: «Potest hic aliquid boni esse, redibo ad cor meum et tentabo si forte intelligere et invenire potero munditiam hanc: pretiosa enim et desiderabilis est res ista, cujus possessores beati dicuntur, cui visio Dei quae est vita aeterna promittitur, quae tot sacrae scripturae testimoniis collaudatur». Hoc ergo sibi plenius explicare desiderans, incipit hanc uvam masticare et frangere, eamque quasi in torculari ponit, dum excitat rationem ad inquirendum quid sit et quomodo haberi possit haec adeo pretiosa munditia.

IV. Воздействие чтения

В чтении слышу: «*Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*» [Мф 5, 8, «Син»]. Вот слово краткое, но исполненное смысла сладостного и многообразного; дабы питать душу, оно будто бы попотчевало² <её> виноградиной. Затем душа, тщательно рассмотрев его, говорит сама себе: «Здесь может быть нечто благое. Обращусь-ка я к сердцу своему и попробую: а вдруг сумею постичь и отыскать сию чистоту, коей обладатели зовутся блаженными, коей обещано видение Бога, то есть жизнь вечная, каковая восхваляется столь многими свидетельствами Священного Писания». Посему, желая лучше разъяснить для себя это, <душа> начинает разжёвывать и размалывать сию виноградину и как бы помещает её в давилю, в то же время побуждая ум к исследованию того, что такое эта столь драгоценная чистота и как её можно обрести.

V. Officium meditationis

Accedens ergo sedula meditatio non remanet extra, non haeret in superficie, altius pedem figit, interiora penetrat, singula rimatur. Attente considerat quod non dixit: *Beati mundo corpore*, sed *mundo corde*; quoniam non sufficit habere manus innoxias a malo opere, nisi a pravis cogitationibus mundemur in mente; /f. 2r/ quod auctoritate propheta confirmat dicens: *Quis ascendet in montem Domini, aut quis stabit in loco sancto ejus? Innocens manibus et mundo corde*. Item considerat quantum hanc cordis munditiam optat idem propheta sic orans: *Cor mundum crea in me, Deus*, et iterum: *Iniquitatem si aspexi in corde meo, non exaudiet Dominus*. Cogitat quantum sollicitus erat in hac custodia beatus Job, qui dicebat: *Pepigi foedus cum oculis meis ut non cogitarem de virgine*. Ecce quantum artabat se vir sanctus qui claudebat oculos suos ne videret vanitatem, et forte incautus respiceret quod postea invitus desideraret.

Postquam haec et hujusmodi de cordis munditia pertractavit, incipit cogitare de praemio, quam gloriosum et delectabile esset videre faciem Domini desideratam, *speciosam forma prae filiis hominum*, non jam abjectum et vilem, et non habentem speciem qua vestivit eum mater sua, sed stola immortalitatis indutum et coronatum diademate quo coronavit eum pater suus in die resurrectionis et gloriae, die *quam fecit Dominus*. Cogitat quod in ista visione erit satiety illa de qua dicit propheta: *Satiabor cum apparuerit gloria tua*.

Vides quantum liquoris emanavit ex minima uva, quantus ignis ex scintilla ortus est, quantum haec modica massa: *Beati mundo corde, quoniam ipsi Deum videbunt*, in incude meditationis extensa est? Sed quantum adhuc posset extendi, si accederet aliquis expertus? Sentio enim quod *puteus altus est*, sed ego adhuc rudis tyro in quo pauca haurirem vix inveni.

His anima facibus inflammata, his incitata desideriiis, fracto alabastro suavitatem unguenti praesentire incipit nondum gustu sed quasi narium odoratu; et ex hoc colligit quam suave esset hujus munditiae sentire experientiam, cujus meditationem novit adeo esse jocundam. Sed quid faciet? Habendi desiderio aestuat, sed non invenit apud se quomodo habere possit; et quanto plus inquit, plus sitit. Dum apponit meditationem, apponit et dolorem, quia non sentit

V. Воздействие размышления

Итак, начинается прилежное размышление. Оно не остаётся во-вне, не задерживается на поверхности; оно погружается глубже, проникает во внутреннее, рассматривает всё подробно. Внимательно раздумывает оно о том, что <Господь> говорит не «Блаженны чистые телом», но «чистые сердцем», ибо недостаточно хранить руки не виноватыми в дурном деле [ср. Быт 37, 22], если мы не очистимся в душе (mente) от дурных помыслов. /л. 2г/ Это подтверждает своим авторитетом пророк, говоря: «*Кто взойдёт на гору Господню, или кто станет на святом месте Его? Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто*»³ [Пс 23, 3–4, «Син»]. Равным образом раздумывает⁴ <оно> о том, сколь сильно желает сей чистоты сердца тот же пророк⁵, молясь так: «*Сердце чистое сотвори во мне, Боже!*» [Пс 50, 12, «Син»], и опять же: «Если я увидел беззаконие в сердце моём, не выслушает меня Господь» [Пс 65, 18, Вульг]. Раздумывает⁶ <оно> о том, сколь старательно остерегался этого блаженный Иов, говоривший: «*Завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице*» [Иов 31, 1, «Син»]. Вот как строго удерживался святой муж, смежавший очи свои, дабы не видеть суеты [ср. Пс 118, 37] и ненароком, по неосторожности, не взглянуть на то, чего впоследствии невольно возжелает.

Разобрав эти и подобные им <соображения> о чистоте сердца, <размышление> начинает раздумывать о награде: сколь славно и усладительно видеть желанный лик Господа, <который> «*прекраснее сынов человеческих*» [Пс 44, 3, «Син»] — уже не презренного и невзрачного [ср. Ис 53, 2] и не в том виде, в который облекла его мать, но облачённого в одеяние бессмертия [ср. Сир 6, 32] и увенчанного короной, которую возложил на него Отец его в день воскресения и славы [ср. Песн 3, 11], в день, который «*сотворил Господь*» [Пс 117, 24, «Син»]. Оно (т. е. размышление) раздумывает⁷, что это видение принесёт насыщение, о коем говорит пророк: «Буду сыт, когда явится слава Твоя» [Пс 16, 15, Вульг].

Видишь, как много сока вышло из малой ягодки, какой сильный огонь вспыхнул из искорки, как расплющился на наковальне размышления этот слиточек: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»? [Мф 5, 8, «Син»] А как он мог бы ещё расплющиться, если бы за дело взялся какой-нибудь умелец! Ибо чувствую, что «*колодезь глубок*» [Ин 4, 11, «Син»], а я пока что неучёный новичок и едва нашёл, чем зачерпнуть немного.

/ f. 2v/ dulcedinem quam in cordis munditia meditatio esse monstrat, sed non praestat.

Non enim est legentis neque meditantis hanc sentire dulcedinem, *nisi datum fuerit desuper*. Legere enim et meditari tam bonis quam malis commune est; et ipsi philosophi gentium, in quo summa veri boni consisteret, invenerunt ductu rationis. Sed *quia cum Deum cognovissent, non sicut Deum glorificaverunt*, et de suis viribus praesumentes dicebant: *Linguam nostram magnificabimus, labia nostra a nobis sunt*, non meruerunt percipere quod poterant videre. *Evanuerunt in cogitationibus suis et eorum sapientia devorata est*, quam eis contulerat humanae studium disciplinae, non Spiritus sapientiae qui solus dat sapientiam veram, sapidam scilicet scientiam quae animam cui inest inaestimabili sapore jocundat et reficit; et de illa dictum est: *Sapientia non intrabit in malevolam animam*. Haec autem a solo Deo est: et sicut officium baptizandi Dominus concessit multis, potestatem vero et auctoritatem in baptismo remittendi peccata sibi soli retinuit, unde Johannes antonomasice et discretive dixit: *Hic est qui baptizat*, ita et de eo possumus dicere: Hic est qui sapientiae saporem dat et sapidam animae facit scientiam. Sermo datur cunctis, animi sapientia paucis, quam distribuit Dominus cui vult et quando vult.

Воспламенённая этими факелами, побуждаемая этими желаниями, душа начинает предчувствовать сладость благовония, когда разбит алабастровый сосуд [ср. Мк 14, 3; Ин 12, 3] — ещё не вкусом, но как бы обонянием. И благодаря этому она понимает, сколь сладостно было бы испытать чувство этой чистоты, в размышлении о коей она познала такое веселие. Но что же ей делать? Она пылает желанием обладать, но не находит в себе никакого способа достичь обладания; и чем больше она ищет, тем больше жаждет. Предаваясь размышлению, она предаётся и печали [ср. Эккл 1, 18], ибо не чувствует той сладости /л. 2v/, которая, как указывает размышление, содержится в чистоте сердца — но вкусить её <размышление> не даёт.

Ведь ни читающему, ни размышляющему не вкусить сей сладости, если не будет ему дано свыше [ср. Ин 19, 11]. Ибо читать и размышлять могут как добродетельные, так и порочные; и даже языческие философы под водительством разума нашли, в чём состоит суть истинного блага. Но «они, познав Бога, не прославили Его как Бога» [Рим 1, 21, «Син»] и, самонадеянно полагаясь на собственные силы, говорили: «Язык наш мы возвеличим, губы наши при нас» [Пс 11, 5, Вульг] — и не удостоились воспринять то, что сумели увидеть. Они «осутились в умствованиях своих» [Рим 1, 21, «Син»], и «расточилась вся их мудрость» [Пс 106, 27, Вульг], которую принесли им занятия человеческими науками, а не Дух мудрости, Который один только даёт истинную мудрость (*sapientiam*), то есть лакомое (*sapidam*) знание, веселящее и освежающее душу, в коей оно содержится, неоценимым вкусом (*saporem*). И о ней сказано: «Мудрость не войдёт в злокозненную душу» [Прем 1, 4, Вульг]. А она — от одного лишь Бога; и, как служение крещения Господь доверил многим, а власть и полномочие отпускать в крещении грехи удержал за одним Собою (отсюда Иоанн назвал Его по этому свойству [*antonomasice*] и сказал, уточняя [*discretive*]: «Это Он — крестящий» [Ин 1, 33, Вульг]), так же мы можем сказать о Нём: это Он придаёт вкус (*sapor*) мудрости (*sapientiae*) и делает лакомым (*sapidam*) знание души. Речь дана всем, а мудрость души — немногим, ибо Господь уделяет её, кому пожелает и когда пожелает [ср. 1 Кор 12, 11].